

M. J. FINLY. The Ancient Economy. University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1973, 222 стр.

Книга М. Финли представляет собой не экономическую историю древности, а теоретическое рассмотрение некоторых, с точки зрения автора наиболее кардинальных, проблем социально-экономической структуры античного мира, с преимущественным вниманием к миру римскому. Соответственно книга делится на шесть глав: 1. Древние и их экономика; 2. Сословия и статусы; 3. Господа и рабы; 4. Землевладельцы и крестьяне; 5. Город и деревня; 6. Государство и экономика.

Первая глава в некотором смысле заменяет собой введение, суммируя общую точку зрения автора на античную экономику и методы подхода к ее изучению. Основная мысль Финли, отразившаяся и в последующих главах и заслуживающая всяческого внимания, состоит в утверждении неправомерности попыток подходить к анализу экономики (и социальных отношений) античности с точки зрения современных понятий и критериев. Только с середины XVIII в., замечает автор, появилась «цивитическая экономия» как учение о богатстве народов. Ничего подобного не было и не могло быть у греков и римлян, как не было у них таких основных для современной экономики понятий, как «труд», «продукция», «капитал», «капиталовложение», «предпринимательство», «спрос», «предложение». Они не могли свести различного рода деятельность к некоему единству, не могли мыслить в понятиях, включающих временную последовательность статистики, в понятиях цифр, включающих концепцию взаимосвязей и тенденций. Объясняется это не особенностями их ума — они достаточно много сделали в области математики как науки, чтобы в случае необходимости освоить и статистику, а отсутствием такой необходимости, возникающей лишь в рамках экономической системы, представляющей собой огромный конгломерат взаимосвязанных рынков, системы, в античности не сложившейся. Античную экономику можно изучать, лишь отказавшись от применения современных моделей, которое неизбежно поведет по ложному пути. Основой социально-экономических отношений в Греции и Риме, по М. Финли, были восходящие к крестьянскому хозяйству ойкос или фамилия с не расчлененной на экономической, социальной и личной аспекты властью их главы, без четкого разделения на базис и надстройку. В таком хозяйстве никакой рациональный экономический анализ не был возможен. И Ксенофонт, и римские агрономы руководствовались своим здравым смыслом, но не принимали в расчет целого ряда факторов, поэтому их данные крайне недостоверны. К тому же следует иметь в виду скудость и случайный характер сохранившихся в источниках цифровых данных. Так, например, нельзя на основании нескольких упоминаний составить себе представление о величине имений в Афинах или Риме или о количестве там рабов, да и вообще обосновать что бы то ни было несколькими примерами. Большая ошибка — основывать изучение античной экономики на рыночных отношениях, говорить о меркантилизме в городе-государстве, о капиталовложениях в торговлю и т. п. Поступающие таким образом исследователи, сознательно или бессознательно, исходят из «химической доктрины общества», утверждающей, что любое общество может быть проанализировано путем разложения его на некое конечное число неизменных элементов. Такой подход может повести лишь к искаженной модели античной экономики. М. Финли предостерегает от отождествления ее не только с современной, но и с древневосточной. Европейская история пишет он, уникальна, и ее следует изучать как отдельный предмет, качественно отличный от истории других культурных комплексов, отличных во всех элементах своей социальной и политической структуры. В восточной экономике доминировали крупные храмовые и дворцовые хозяйства, и они же были центрами организации социальной и политической жизни общества. Для Греции и Рима, напротив, характерны были частное производство и частная собственность. Правда, и на Востоке, и в античном мире встречались иные, нетипичные формы (частные имения на Востоке, Спарта в Греции), но ими не могут определяться наши суждения о том и другом обществе, поскольку исходить следует из доминирующих типов. Особенности античного мира Финли в известной мере связывает с природными условиями, в первую очередь с

отсутствием необходимости создавать сложную ирригационную систему. Когда в зону влияния Греции и Рима попали народы с иными природными условиями, типом хозяйства, социальной структурой, они не испытали глобальных изменений. Народы, подчиненные Римом, говорит Финли, имели не одну общую, а разные истории, разную экономическую организацию. Так, например, в Египте и других восточных странах сохранялось крестьянство, что препятствовало внедрению плантационного рабства. Вряд ли правы те (Ростовцев, Уолбенк и др.), кто считает римскую экономику единой на том основании, что разные части римской державы были тесно связаны с торговлей предметами первой необходимости. Подобные утверждения, подчеркивает автор, не могут быть подтверждены достаточно массовыми и надежными данными. Для того чтобы применять термин «мировой рынок», «экономическое единство», требуются гораздо более солидные основания, чем приводимые примеры фактов торговли теми или иными товарами. Мировой рынок не мог возникнуть в условиях, когда общественное разделение труда не дошло до определенной степени, а домашнее производство не было в достаточной мере разрушено. Видимость экономического единства создавалась лишь вследствие того, что в последние века своего существования древний мир представлял собой единую политическую и культурную целостность, что оказывало определенное влияние и на экономику.

В следующих главах Финли более детально рассматривает различные аспекты социально-экономических отношений античности. Он подчеркивает значение, которое во все времена ее существования придавалось богатству. Хотя некоторые и прославляли простую и бедную жизнь, главную роль всегда играли богатые. «Блаженны немущие» — христианский тезис, порожденный совсем иной системой ценностей. Жалости к бедным не было; благодеяния оказывались общинам, а не индивидам, или вызывались политическими соображениями, как кормление римского плебса или алиментарные учреждения Траяна. Бедных презирали, так как понятие свободы всегда было связано с экономической независимостью и даваемым ею досугом. Помимо состояния, имели значение сословие, статус, класс. Под сословием Финли понимает юридически определенную группу населения, обладающую формализованными привилегиями в каких-либо видах деятельности, или, напротив, от тех или иных видов деятельности отстраненную и стоящую в иерархическом отношении к другим сословиям. К статусам он относит социальные группы, фактически, но не юридически занимающие определенное положение в обществе, например, римский нобилитет, в противоположность сенаторам, которые были сословием. Сословием он считает и римских граждан, но положение это более чем спорно. В какой мере, спрашивает Финли, можно говорить о классах, в частности, исходя из марксистского определения класса? С его точки зрения, к античности концепция классов не может быть применена безоговорочно, поскольку тогда-де раб и наемный работник попадут в один класс, а в другой — богатый сенатор и владелец маленькой мастерской. Многие, говорит Финли, неправильно понимая, что такое класс (в качестве примера он приводит представление о всадниках как о классе «капиталистов»), строят на своем понимании искаженную картину римской истории. Он примыкает к точке зрения, согласно которой в античном, как и в других докапиталистических обществах, самосознание статуса маскировало классовое самосознание, а сословная структура общества предопределяла тесное переплетение экономических, политических и идеологических факторов, экономических и правовых категорий. Поэтому, на его взгляд, «класс» — для древности недостаточно определенное понятие и не ясно, например, к какому классу относить утративших свой надел спартанцев, римских нобилей, «царских друзей» в эллинистических государствах, людей типа Трималхиона. Все эти категории определялись их принадлежностью не к классу, а к статусу или сословию, причем сословия не были однородными и внутри их могли существовать различные, враждебные друг другу слои. Важно, с точки зрения Финли, и то обстоятельство, что большие состояния приобретались в результате не экономической, а политической и военной деятельности. И хотя сенаторы и всадники через доверенных лиц участвовали в торговых и финансовых операциях, социальная элита не была подготовлена к тому, чтобы заниматься необходимыми для

города и граждан профессиями. Экономическая модель античности, включает Финли, в значительной мере опиралась на понятие статуса.

Соответственно он подходит и к проблеме рабства. Положение рабов, говорит он, было во многих отношениях двусмысленно. Раб был и собственностью, и личностью, во всяком случае, в рамках религии; причислявшиеся к рабам илоты сильно отличались от рабов афинян; римские рабы имели пекулии, т. е. обладали собственностью, хотя прав на нее были лишены. Экономическое положение рабов было очень различно, но их правовой статус маскировал это различие. Римские юристы не умели должным образом учитывать и квалифицировать все многообразие существовавших категорий, и мы под их влиянием признаем лишь три категории работников: рабов, «сервов» и наемных рабочих. На деле различных вариантов было множество. В чистом виде, по Финли, никогда не существовало полярной противоположности: полностью свободный — полностью раб. Были рабы, на которых владельцы смотрели только как на собственность, но в целом отношение к рабам не было так просто и однозначно. С другой стороны, свобода ограничивалась жизнью в обществе. Между рабством и свободой был целый спектр состояний с наличием и отсутствием различных прав. Классовая борьба выражалась в конфликтах между различными группами, находившимися в разных частях спектров и борвавшимися за те или иные права и привилегии. Признание такого спектра, утверждает Финли, помогает локализовать каждую группу и не приносить в изучение античности наши собственные экономические и моральные ценности. В связи с упором на «спектр состояний» Финли определяет рабов как только одну из категорий людей зависимых или работающих против воли, не в соответствии со своим выбором и не на себя, а на другого.

В Греции и Риме периода их расцвета рабство вытеснило иные категории подневольного труда, преобладавшие в более ранние времена. Но во многих районах продолжали существовать отношения типа илотии, а также кабала. Классическое рабство, по Финли, развилось под влиянием развития городского производства, где иные формы подневольного труда были неприемлемы, а также в сельском хозяйстве, там, где такие формы почему-либо не удержались. Там же, где они сохранились, например на Востоке, рабство не стало важным фактором. Греция и Рим, заключает Финли, были единственными рабовладельческими обществами, окруженные обществами, основанными на иных видах подневольного труда. В Греции и Риме трудились рабы и свободные граждане — ремесленники, мелкие подрядчики, частично наемные работники, причем статус последних был ниже статуса тех, кто работал на заказчика, как видно из различия между *locatio conductio operis* и *locatio conductio operarum*. Никакой конкуренции между рабским и свободным трудом не было, и именно поэтому рабы и свободные входили в одни коллегии. Не было представления о труде как о социальной функции. Его равно презирали и высшие классы, и сами трудящиеся, требовавшие земли, а не улучшения условий труда. Уважалось мастерство, а не труд. Финли не согласен с теми, кто считает, что рабский труд был малопроизводителен и препятствовал техническому прогрессу. Рабовладельцы получали доходы от труда своих рабов и не думали о замене их работниками иных категорий. Кризис рабства, на его взгляд, был результатом не слабой эффективности рабского труда, а структурной трансформации общества в целом, возрастания спектра состояний, заменившего простое деление на рабов и свободных. Произошло это вследствие смены города-государства бюрократической монархией и возрастания налогового бремени, тяжело давившего на крестьян и колоннов, зависимость которых постепенно возрастала. Для принудительного труда стали использоваться свободные низшие классы, а поэтому нужда в занятых в производстве рабах постепенно отпала.

Далее Финли переходит к характеристике аграрных отношений. Освобождение граждан от поземельного налога в Греции и Риме, пишет он, соответствовало новому и редко встречающемуся феномену классической античности, а именно, инкорпорированию крестьян в гражданскую общину как политически равноправных ее сочленов. Отсюда проистекало и особое уважение к земледелию и земле как источникам материальных и моральных благ. Основной действовавшей из века в век тенденцией

был рост крупного землевладения, укреплявшегося в результате различных кризисов, разорявших часть собственников. Вместе с тем и в сфере земельных отношений наблюдается широкий «спектр состояний» между крупнейшими собственниками и крестьянами. Термин «крестьяне» Финли считает вполне приложимым к мелким земледельцам и арендаторам античного мира, поскольку крестьянин (в отличие от первобытного земледельца) можно определить как человека, жизнь и доход которого зависят от его права на землю, труда его и его семьи, и который со своими правами и обязанностями включается в большую экономическую систему, включающую в свой состав не крестьян. Крестьянское хозяйство, считает Финли, было в основном натуральным; лишь там, где поблизости имелись значительные рынки сбыта (города, военные лагеря, святилища), крестьяне могли продавать часть своей продукции, да и то продавцами здесь выступали главным образом владельцы средних вилл. Крестьяне всегда находились на грани нищеты и часто жили хуже рабов. Чем свободнее был крестьянин, тем менее он был обеспечен по сравнению с архаическим клиентом и колоном, в которых в какой-то мере заботились патроны. Отсюда с одной стороны, крестьянские движения, а с другой — согласие крестьян переходить на положение зависимых. Хозяйство крупных собственников качественно не отличалось от крестьянского. Для него характерна та же роль наследственного земельного владения, та же стремление к автаркии, та же ограниченная и почти статичная технология (поскольку имевшиеся усовершенствования не затрагивали основных процессов и методов производства). Отсутствие коренных улучшений в производстве Финли объясняет большими доходами, которые и так получали землевладельцы, присущей им психологией праздности, нежеланием тратить наличные деньги, неспособностью рассчитать выгоды, приносимые оборотом капитала, и тому подобными экономическими факторами. Те расчеты, которые делали Катон и Колумелла, Финли считает нелепыми и абсурдными именно вследствие игнорирования ими целого ряда необходимых для подобных расчетов данных. Собственников, замечает Финли, интересовали вопросы организации труда и контроля за ним, а не методы экономии труда и не качественные улучшения. Это скорее был интерес надзирателей, а не предпринимателей. В общем, земледелие и вложение капиталов в землю никогда не были результатом систематической политики, экономического расчета. Это положение Финли иллюстрирует и тем фактом, что в античном мире отсутствовали специальные агенты по продаже земли. Землю приобретали по случаю, без посредников. Земля, правда, приносила доход, но земледельцы более исходили из «требований природы» и этики, чем из стремления, вложив капитал в землю, получить на него наибольшую прибыль.

Специфичным считает Финли и отношение между городом и деревней, принимавшее разные формы от симбиоза до паразитизма. Характер отношений между городом и его сельской округой зависел от распределения населения, размеров городской и сельской продукции, пропорции, в которой они обменивались друг на друга. Степень автаркичности города была связана с такими факторами, как рента, налоги, пошлины, экспорт продуктов города и его хоры, состояние сухопутного и водного транспорта. Росли города с хорошими гаванями, центры торговли с варварами, административные центры, города, которым не хватало собственной сельскохозяйственной продукции, и они импортировали ее в обмен на ремесленную. Однако в целом ремесло мало способствовало росту городов, не имевших, в отличие от городов средневековых, ни гильдий, ни цехов, ни бирж. Роль мастерских была ничтожна и преувеличивать ее неправильно. Античный город был центром потребления, а не производства. Возможности города платить за то, что он потреблял, зависели от величины сельскохозяйственной продукции городской хоры; от наличия или отсутствия специальных ресурсов, в первую очередь серебра и других металлов; от доходов, приносимых земельной собственностью; от средств, доставляемых клиентами и подчиненными. Заметного влияния производство на экспорт, по мнению Финли, на городскую жизнь, в общем и целом, не оказывало. Постепенно число городских жителей росло и соответственно численно росли паразитические классы, увеличивалась роскошь, обострялась грань между богатыми и бедными. Вся тогдашняя социальная психология не допускала мысли об

обогащении города путем организации мануфактур, что, как считает Финли, также составляет одно из существенных отличий античного города от средневекового. В античном деловая практика стояла на гораздо более низком уровне. Несмотря на распространение ростовщичества, не развился по-настоящему кредит, не было даже зародышей современных банков, никому не приходило в голову изучать долговременные циклы изменения цен, причины увеличения и уменьшения продукции. Не было или почти не было долговременных деловых товариществ, так как отсутствовала потребность в соединении капиталов для деловых операций. Жажда богатства не превращалась в потребность создать капитал. Не существовало представления о полезности и возможности постоянного прогресса технологии благодаря систематическим научно-техническим исследованиям. Внимание было обращено на качественные, а не на количественные показатели. Правда, во многих сферах греки и римляне сделали ряд усовершенствований, но с IV—III вв. до н. э. особых нововведений не было, хотя к некоторым из них уже возможно было подойти. Характерно, замечает Финли, что, согласно рассказу о казенном Тиберием изобретателе небьющегося стекла, последний обратился к императору, а не к частному предпринимателю. Все это показывает, что экономический рост, технический прогресс, высокая продуктивность никогда не были целью до конца европейского средневековья, когда развитие в странах Европы пошло по уникальному пути.

Последняя глава посвящена соотношению государства и экономики. Некогда в городе-государстве, пишет Финли, в соответствии с принципом участия всех граждан в тяготах и выгодах, а также с попыткой преодолеть экономическое неравенство граждан, возникли литургии, обязывавшие богатых тратить на общественные нужды. Они восходили к тем временам, когда аристократия служила обществу, строя, например, на свой счет храм. Первоначально литургии были и обязанностью и честью. В поздней Римской империи в итоге длительной эволюции литургии стали только обязанностью, особенно тяжело дававшей на муниципальных землевладельцев. Литургии и их эволюцию Финли связывает с тотальным в античном мире авторитетом государства. В республиканские времена, говорит он, греки и римляне во многих отношениях пользовались большой свободой, но государство могло на законном основании вмешиваться во все сферы их жизни. Свобода понималась как царство закона и участие граждан в процедуре принятия того или иного общезначимого решения. В остальных отношениях государственный контроль был всеобъемлющ. Поэтому для античности трудно различить экономические и политические факторы в действиях государства и последствиях этих действий. Никакие мероприятия государства не были лишены экономического компонента, но, изучая соотношение экономики и политики, следует правильно учитывать характер ставившихся целей и последствий их достижения, не руководствуясь аналогиями с современностью. Так, например, римская политика в провинциях сильно отличалась от современного колониализма. Римляне имели у себя дешевый труд и не нуждались в эксплуатации дешевого труда провинциалов, и они не имели капитала, который стремились бы наиболее выгодно вложить. Борьбы за рынки сбыта не было и не было в римской истории коммерческих или вдохновленных коммерческими интересами войн. Ни города-государства, ни императоры не вели какой-то рассчитанной экономической политики. Они имели в виду лишь удовлетворение некоторых непосредственных потребностей. Так, например, пошлины взимались без учета необходимости стимулировать ввоз тех или иных товаров. Не производились подсчеты, которые показывали бы преимущество того или иного источника дохода. Выбор делался согласно традиции и социальной психологии. Иногда система отказывалась, доходы становились малы или какая-нибудь общественная группа начинала считать, что получает недостаточно. Тогда разгоралась гражданская война, проводились конфискации, вводились новые законы и цикл начинался сначала. Римские императоры ничего к этой системе не прибавили. Налоги и их расходование оставались традиционными. В городах-государствах не было никакого поощрения деловой жизни, стимулирования производства. Когда средств не хватало, их старались приобрести извне — в виде военной добычи и податей, налагавшихся на покоренных. Иногда

прибегали к отсылке избыточного населения. Но такие меры были паллиативами, а не коренным решением вопроса. При империи был введен поземельный налог, составлявший постоянный доход государства. Его основная тяжесть падала не на богатых (в отличие от литургий), а на бедных, что обусловило их приниженное положение. После Траяна прекратился обеспечивавшийся победоносными войнами приток ценностей извне. Приходилось повышать налоги и повинности, чтобы содержать армию, численно возрастающую в связи с усилившимся нажимом на границы империи. Положение в земледелии ухудшалось. Создавался порочный круг: армия все более нуждалась в средствах, а рост налогов подрывал платежеспособность населения. Античный мир пришел к концу, причины которого коренились в античной социальной и политической системе ценностей, сложившейся на основе методов организации и эксплуатации его производительных сил. Таково, заключает Финли, экономическое объяснение конца античного мира.

Как можно видеть даже из такого краткого изложения книги Финли, она представляет большой интерес благодаря ряду затронутых в ней фундаментальных вопросов и высказанным автором мыслям и наблюдениям. Показательно само его стремление подчеркнуть, так сказать, не только количественное, но и качественное отличие античного мира от современного, опровергнуть попытки модернизации его социально-экономических отношений, определявших и его политическую историю. Финли в основном исходит из известного марксистского положения, гласящего, что только при капитализме целью производства становится само производство, его постоянное расширение, чем и обусловлены основные особенности капиталистической экономики, капиталистической прибыли, направленности технического прогресса, тогда как в обществах докапиталистических, в том числе и в античном, целью было потребление, создание не массы меновых стоимостей, а стоимости потребительной, и основное внимание было направлено не на экономию труда, не на удешевление продукции, а на ее качество. Соответственно иными были методы извлечения дохода, совершенствования производства, развития производительных сил.

Трудно не согласиться и с отдельными выводами Финли, например, о неправомерности преувеличения роли экономических связей, экономического единства античных государств, в частности Римской империи; о неправомерности поисков в античном мире каких-то аналогов мирового рынка; попыток объяснить внешнюю политику античных государств (и в том числе Рима) теми же причинами, которые обуславливали внешнюю политику капиталистических государств — борьбой за рынки сбыта, за новые области приложения капитала, за возможности эксплуатации дешевого труда в колониях. Очень убедительно и в полном согласии с данными источников Финли показывает, что основной целью войны и политики относительно побежденных было стремление пополнить за счет добычи и дани недостаток внутренних ресурсов и что, когда этот источник стал иссякать, римская экономика утратила свою относительную стабильность. В нашей (и отчасти западной) научной литературе с сокращением завоевательных войн после Траяна часто связывали только сокращение поступления пленных на рабские рынки, а войны предыдущих времен склонны были объяснять погоней за новыми, необходимыми для функционирования хозяйства рабами. Однако источники не подтверждают исключительной и определяющей роли войн в развитии и упадке именно рабовладения (как и того, что пополнение числа рабов было главной целью римской агрессии). Рабы были лишь одним из видов военной добычи, и, видимо, еще большее значение для римской экономики имели другие ее виды: земля, драгоценные металлы, сельскохозяйственная продукция, взимавшаяся с побежденных в качестве дани. За счет собственных ресурсов города-государства и города, включенные в состав римской державы и составлявшие ее основу, существовать как античные гражданские общины в течение длительного срока не могли. Когда приток средств извне (за счет ли войн, которые они вели как самостоятельные политические единицы, за счет ли субсидий императоров) иссякал, хозяйство городов и городских слоев приходило в упадок, на что совершенно справедливо обратил внимание Финли, хотя причины тому, с нашей точки зрения (о чем подробнее ниже), он не вскрыл.

Автор стремится установить отличие античного мира не только от современного, но и от других древних обществ. Мы не будем останавливаться в этой связи на все еще дискуссионных вопросах о значении отсутствия или наличия приращиваемых сооружений, преобладания государственного или частного хозяйства в тех или иных странах и соответственно характера государственного строя. Обратим внимание лишь на два положения Финли, с которыми и будет связано дальнейшее изложение: о типичном для античного мира «редком феномене» инкорпорации крестьян в гражданскую общину в качестве ее политически равноправных сочленов и о развитии рабства там, где «почему-либо не удержались иные виды подневольного труда» (или, что то же самое, крестьянство не стало — или перестало быть — наиболее массовым объектом эксплуатации.) Мысль об обратной пропорциональности эксплуатации крестьян и рабов Финли подтверждает и примером Римской империи: когда появляется и развивается возможность эксплуатации свободных низших классов, падает потребность в рабском труде и его значение в производстве.

Эти наблюдения Финли подтверждаются работами советских и зарубежных последователей античного рабства. Они, насколько это позволяет скудость источников, показали, что там, где сохранялись крестьянские общины, рабство не стало основной формой эксплуатации. Разделение на эксплуататоров и эксплуатируемых разных категорий имело место либо внутри общины в результате ее разложения, либо за счет того, что община как целое или отдельные ее сочлены попадали в зависимость от более или менее крупных землевладельцев. Однако Финли, как нам представляется, остановился на полпути, не развив своей мысли и не сделав напрашивающихся дальнейших выводов. Он не связал инкорпорирование крестьян в гражданскую общину как ее политически равных сочленов с тем фактом, что в ряде городов Греции и в Риме нерабский подневольный труд не удержался в производстве. Между тем связь этих двух фактов, по-видимому, несомненна. Там, где имела место победа демоса или плебса, сопровождавшие ее мероприятия — наделение земель неимущих и эмансипация зависимых земледельцев, установление земельного максимума, запрещение порабощения сограждан, запрещение или ограничение долговой кабалы — на долгое время очень сузили возможность эксплуатации одних граждан другими, что и обусловило развитие классического античного рабства.

В этой связи следует отметить, что нельзя согласиться с тем, как Финли говорит о «широком спектре состояний» между рабством и свободой, якобы существовавшем во все периоды истории античного мира и во всех его районах, и с его тезисом об отсутствии поляризации рабства и свободы. Одно из отличий античного мира эпохи его расцвета от других предшествовавших ему и сосуществовавших с ним обществ состоит именно в том, что такая поляризация достигла в нем максимальной степени. Чем более свободны были граждане в экономическом и политическом смысле (слова Финли об ограничении свободы жизнью в обществе явно нельзя принимать всерьез, так как люди всегда жили, живут и будут жить в обществе), тем резче была грань, отделявшая их от рабов, стоявших во всех отношениях вне гражданского общества. Она начинает стираться лишь по мере исчезновения экономической независимости и политической свободы граждан, по мере приближения Римской империи к обществам неантичного типа («ориентализация» и «варваризация» империи), в которых грани между отдельными категориями эксплуатируемых действительно часто бывали не очень четкими. Конечно, в Риме всегда были и клиенты-колоны, и наемные работники, и кабальные — число их то падало (в результате таких мер, как закон Петелия или *lex Julia de cessione bonorum*), то снова возрастало. Но не эти группы определяли характер общества во времена расцвета античного рабовладельческого способа производства.

Финли стремится учесть все многообразие разных слоев общества, однако оно в значительной мере заслоняет от него типичную для этого общества классовую структуру. Большая роль сословной и статусной дифференциации в античном мире справедливо отмечена Финли, но при любом субъективном отношении отдельных групп и лиц к их месту в обществе (и к месту в нем иных групп) объективно определяющей была

именно классовая принадлежность. Финли утверждает, что марксистское понимание классов трудно применить к античному обществу, так как к одному классу будто бы придется отнести людей разного сословия и статуса и к разным классам — людей, фактически занимающих одинаковое место в производстве (как раб, владеющий мастерской, и свободный ремесленник), а с другой стороны, для ряда групп и лиц классовая принадлежность останется будто бы неопределимой.

Здесь Финли допускает значительные неточности. Если уже он говорит о марксистском понимании классов, то ему не следовало игнорировать известное ленинское положение о классах-сословиях докапиталистических обществ¹. Класс и сословие в таких обществах в общем и целом совпадали, но внутри сословий могло идти более или менее интенсивное расслоение (о неоднородности сословий говорит и Финли), так что сословная принадлежность сохранялась, классовая изменялась, как в случае с рабом, имеющим мастерскую и рабов. Но, как можно видеть на этом же примере, возникшее несовпадение так или иначе ликвидировалось: раб обычно становился отпущенником, вливаясь в класс собственников средств производства, а его дети уравнивались с ними и сословно. С другой стороны, обедневший декурсион или даже сенатор мог спуститься на самые низы социальной иерархии (вспомним ювеналовских «потомков Энея», насаживавших свиней, или известных по рескриптам Диоклетиана внуков декурциона, оказавшихся в рабстве). Кроме того, ни в одном обществе, даже в капиталистическом, где бессословные классы выступают в наиболее чистом виде, не существует деления только на два основных класса, так как всегда имеются и несословные классы, промежуточные слои, деклассированные элементы, да и внутри самих классов могут быть группы с различным положением и различными до известной степени интересами. Анализ места всех слоев и групп населения в социальной структуре, в общественно-политической и идеологической борьбе классики марксизма всегда считали необходимым для выяснения значения и характера как отдельных исторических событий, так и целых эпох. Но это не значит, что в антагонистических формациях нельзя выделить основные классы, определяющие характер и формации, и классовую борьбу, как и положение и поведение других классов и социальных слоев. Все это относится и к античному миру, хотя, конечно, переплетение классового деления и деления на сословия и статусы делает соответственный анализ значительно более трудным. Если исходить только из «спектра состояний» и места каждой группы в таком спектре, как предлагает Финли, можно (и мы это видим на примерах многих западных работ) оказаться в плену представлений о событиях римской истории как результатах столкновения различных более или менее крупных группировок, раздробить ее ход на множество отдельных эпизодов, утратить главное направление, характеризующее большие исторические эпохи, не заметить то основное противоречие, которое определяло все остальные или, во всяком случае, оказывало на них чрезвычайно большое влияние.

Сам Финли отчасти идет по такому пути, разбирая, и притом довольно бегло, значение рабского труда для римской экономики. Как мы видели, он утверждает, что рабский труд был рентабелен, приносил доход, и не в его особенностях, а скорее в умонастроении владельцев средств производства и в общей экономической и политической ситуации следует искать причину застойного состояния техники, незначительности усовершенствований методов хозяйства, постепенной трансформации античного мира, перехода к колонату и т. п. Он не учитывает, что статичный подход к данной проблеме недопустим. В каких-то условиях, до каких-то пределов основанное на рабском труде производство действительно приносило доход и способствовало расцвету античной экономики и развитию производительных сил по тому пути, по которому в тех условиях они только и могли развиваться. Но этому развитию был положен предел, за которым рабский труд становился невыгодным и неэффективным, и если даже производительность его возрастала (точных данных мы на этот счет не имеем), то все же все более отставала от растущей потребности владельцев в прибавочном продукте, превращенном в значительной своей части в деньги. Мы не имеем возможности

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311, прим. 1.

подробнее останавливаться здесь на этом процессе, проследить который мы, по возможности, пытались в другом месте², но заметим, что в основе его несомненно лежало основное противоречие античного общества — антагонизм между рабами и рабовладельцами. Когда Финли пишет, что последние подходили к вопросу о рабах не как «предприниматели», а как «надзиратели», «полицейские», он косвенно признает наличие этого антагонизма, но не делает и даже не пытается делать соответствующие выводы. Он пишет, что древние осознавали опасность, грозившую со стороны рабов, но не думали о замене рабского труда иным, и заключает отсюда, что рабский труд отвечал потребностям общества. Это, однако, вызывает возражения. Конечно, к законодательной отмене рабства никто не призывал, но оно не было отменено и после падения античного мира и утверждения феодальных отношений. Вместе с тем нельзя не учитывать, что против рабства велась полемика, становившаяся тем более оживленной, чем яснее вырисовывалась перспектива кризиса.

Не говоря уже о многих иных авторах, приведем только два наиболее известных примера: Плиния Старшего, считавшего, что рентабельное и эффективное ведение хозяйства при рабском труде невозможно, и советовавшего перейти к мелкому хозяйству свободных трудящихся со своими домохозяевами; и Сенеку, призывавшего господ строить отношения с рабами на принципах патроната и клиентелы, что по существу было теоретическим обоснованием замены рабства колонатом, замены, действительно имевшей место в тех латифундиях, где некоторое время основной рабочей силой были рабы.

Финли, кстати сказать, совершенно оставляет в стороне достаточно подробно разработанный в советской, но затрагивавшийся и в западной историографии вопрос о разных типах хозяйства и связанной с ними рабочей силе. Он оставляет в стороне то, видимо, уже не вызывающее сомнений обстоятельство, что рабство было наиболее тесно связано со средней величины виллами, принадлежавшими по большей части муниципальным собственникам, а мелкое хозяйство колонов разного происхождения и статуса — с латифундиями и сальтусами, главным образом находившимися в собственности императоров и сенаторов. Поэтому, говоря о росте крупного землевладения он не связывает его с усилением значения колоната, но объясняет его такими структурными изменениями в обществе и такой политической ситуацией, которые дали возможность эксплуатировать уже не рабов, а низшие классы свободных. Но, по-видимому, он здесь меняет местами причину и следствие: соответственные структурные изменения происходили в значительной мере именно в связи с тем, что по мере упадка рабовладельческих хозяйств экономически господствующим классом становились крупные землевладельцы, принимавшие все меры к тому, чтобы поставить от себя в зависимость как можно больше мелких землевладельцев, превращавшихся в плательщиков ренты. Императоры, чьей наиболее широкой социальной опорой были муниципальные земле- и рабовладельцы, пытались противодействовать этому процессу, но были вынуждены идти на все большие уступки, особенно в период кризиса III в. (и после него), из которого крупная земельная знать вышла победительницей как в экономической, так и в политической сфере, что и обусловило трансформацию римского общества, становившегося на путь феодализации.

Думается, что упомянутые недочеты книги Финли в основном объясняются известной противоречивостью положенной в ее основу концепции и метода. Как уже упоминалось, Финли начинает с тезиса о коренном различии античной и «современной» (капиталистической) экономики, но, по существу, не показывает глубинных основ этого различия, нередко сбиваясь на имеющиеся и в других западных работах³ общие рассуждения о низком развитии римской экономики, о неспособности греков и римлян к экономическому рациональному мышлению, об отсутствии у них духа предпринимательства, об их традиционализме, презрении к практической деятельности и т. п.

² Е. М. Штаерман и М. К. Трофимова, Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. (Италия), М., 1971.

³ Ср., например, введение к книге R. Duncan-Jones, The Economy of Roman Empire, Quantitative Studies, Camb., 1974.

Все это, возможно, в какой-то мере и справедливо, хотя другие историки держатся других точек зрения (как, например, Мартен, считающий Катона и Сазерну идеологами «предпринимателей», а Колумеллу хозяином, мыслящим как современный капиталист⁴), но в таких оценках всегда будет много субъективного, тем более, что, как подчеркивает сам Финли и как весьма убедительно показал Дункан-Джоунз, никакой статистики для античного мира мы не имеем, да и вообще цифровых данных дошло до нас крайне мало. Ссылки на особенности социальной психологии, препятствовавшие коренным усовершенствованиям производства, тоже весьма обычны и тоже ничего не дают. Во-первых, потому что такие особенности сами нуждаются в объяснении, а во-вторых, потому что ссылки на них часто не соответствуют действительности. Так, например, те, кто говорит о презрении римлян к труду и к практической деятельности, не учитывают весь, достаточно значительный, противоречащий этому утверждению материал, который свидетельствует о высоком уважении не только к мастерству, но и к труду в низших классах и об уважении части тогдашней интеллигенции (представленной такими авторами, как Гален и особенно Секст Эмпирик) именно к практическому приложению науки и отрицательном отношении к науке умозрительной, далекой от практики.

Критика модернизации истории античного мира должна, видимо, базироваться не на частностях и не на доказательстве того самоочевидного факта, что техника и экономика греческого и римского мира были развиты в неизмеримо меньшей степени, чем техника и экономика в современном мире. Факт этот может быть истолкован и в плане только количественного значения, и тогда античность по существу не будет отличаться от раннекапиталистического общества, также количественно значительно менее развитого, чем зрелый капитализм. А если так, то модернизация истории остается непреодоленной. До конца преодолеть ее можно, лишь вскрыв по возможности полно все своеобразие структуры античного общества, ее коренное отличие от капиталистической, попытавшись установить, какое место в этой структуре занимали такие феномены, как торговля, денежное обращение, понятие рентабельности, экономической рациональности и т. п., вне зависимости от каких-либо цифровых показателей. Образец такого анализа нам дает Маркс, когда говорит о внешне сходных процессах, приводивших в разной исторической среде к разным результатам⁵, или когда замечает, что древний ростовщик отличается от современного банкира в силу коренных отличий в способах производства, при которых действовали тот и другой⁶. Для Маркса основное значение имеют не количественные показатели (такие, как, скажем, размах торговли, величина приносящего проценты капитала и т. п.), а отличия качественные, отличия исторической среды, т. е. формационной принадлежности общества.

Базой античного мира была основывавшаяся на античной форме собственности античная гражданская община, которая существовала как самостоятельный город-государство или как город, включенный наряду с другими — кровнородственными и сельскими — общинами в систему античной монархии. Факт этот косвенно признает Финли, говоря, например, что «благоденствия» оказывались в античности не индивидам, а общинам, или характеризуя значение литургий, но дальнейших выводов из него он не делает. На базе античной собственности, отличной от собственности капиталистической, и развивались экономические феномены, иногда внешне схожие с феноменами капиталистического мира, но игравшие иную роль, оказывавшие иное влияние на общественные отношения и эволюционировавшие в иных направлениях. Достаточно известны иллюстрирующие это положение суждения К. Маркса о результатах развития товарно-денежных отношений на заре капитализма и в античности, где купеческий и ростовщический капитал не обратился в промышленный, а существовал в конце концов лишь истощению и упадку всего способа производства⁷. То же относится и к понятию «экономической рациональности», которое не может

⁴ R. Martin, *Les agronomes latins*, P., 1972.

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 121, 122.

⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 146.

⁷ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 145—146, 159—160.

быть идентичным для разных формаций, но определяется целью производства в каждой из них. В античности объективной (а в значительной мере и субъективно осознанной) целью производства было поддержание и воспроизводство отношений античной общины, которая сама была условием производства и бытия граждан как таковых. Отсюда и иное, чем в буржуазном обществе, распределение дохода, в значительной части шедшего не на расширение производства, а на общественные нужды. Отсюда, вопреки утверждению Финли, отношение к деятельности отдельных лиц и корпораций как к общественной функции: так, долг землевладельца — добросовестно обрабатывать отведенную ему землю, оставшуюся частью земельного фонда общины; так, различные права и привилегии признаются за теми профессиональными коллегиями, которые обслуживают общественные потребности. Отсюда и переплетение экономики и политики, отмечаемое Финли, но иллюстрируемое им не специфическими для античности примерами того, как политические мероприятия или участие в политической жизни приводили к экономическим следствиям. Но ведь переплетение экономики и политики обуславливалось именно характером античного города как общины, сочлены которой были и совладельцами ее земельного фонда, и гражданами, имевшими право как на долю общественного имущества и дохода, так на участие в решении связанных с тем и другим вопросов, неотделимых от вопросов политических. Способ производства, основывавшийся на античной общине, античной форме собственности, обуславливал неразрывность экономических и политических связей, особую роль политики в античном мире⁸. Тем же методом, исходящим из качественных, а не количественных различий между «социальными организациями», следует пользоваться при рассмотрении любой проблемы социально-экономической истории Греции и Рима. Финли же подошел к намеченной им проблеме несколько односторонне, что в известной мере лишило его интересное и будящее мысль исследование должной глубины и убедительности.

Е. М. Штаерман

⁸ К. Маркс, упоминая «ходячую фразу» об определяющем значении политики для античного мира и католицизма для средних веков, замечает: «Тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, а в другом — католицизм» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 91, 92, прим. 33).